УДК [348.819.3:343.23]"185/189":94(47).081/.082

МАТВЕЕВА Е.С.

Изменения в церковном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России, во II половине XIX века[1]

В статье рассматриваются изменения во взаимоотношениях светской и духовной власти в России во II половине XIX века, которые повлияли на развитие церковного судопроизводства. Особенное внимание уделяется понятию церковных правонарушений и особенностям судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемыми духовными лицами.

Ключевые слова: светская власть, духовная власть, церковный суд, духовенство, церковные преступления, наказания.

С принятием христианства на территории Древней Руси появилось понятие церковного права и суда, в основу которых были положены достижения церковно-канонической традиции Византии, сложившейся в эпоху Вселенских соборов. Именно там и были выработаны первые законы духовного судоустройства и судопроизводства, были также разработаны и первые процессуальные нормы судебной практики. Судебная власть церкви являлась многогранной, поэтому в зависимости от уровня согласованности светской и духовной властей и особенностей исторического периода в её компетенцию входили различные греховные преступления клириков и мирян, а также уголовные дела, которые по своей сути и не соответствовали природе духовной власти[2]. Церковно-судебная практика была также важным источником дохода и содействовала увеличению прибыли церкви. Церковный суд представлял собой старейший специальный суд, упоминания о котором есть в содержании Устава Владимира Святославича, Устава Ярослава Владимировича, грамоты Ростислава и др. Церковно-судебная система в Российской империи была уникальным образованием по своей структуре, компетенциям и кругу рассматриваемых вопросов; она являлась важным элементом в осуществлении правосудия в среде духовенства, а также занимала особое место в системе гражданско-процессуальных отношений страны, действуя обособленно, но при активном взаимодействии или содействии с уполномоченными представителями светских властей. На примере XIX века достаточно ярко прослеживается эволюция церковного судопроизводства по делам о преступлениях духовных лиц. При Александре I был издан Высочайший Указ для Святейшего Правительствующего Синода от 22 декабря 1823 года[3] с правилами для искоренения преступлений духовных лиц, а также порядком судопроизводства по данным делам. Данные правила были составлены в соответствии со светскими источниками: прежним Указом Его Императорского Величества от 22 марта 1800 года и Полицейским Уставом Благочиния, изданным ещё при Екатерине II в 1782 году, а также духовными книгами: завещанием Инока Святого Василия Великого, “Кормчей книги” (2-я часть), “Номоканоном”, “Духовным Регламентом” Петра I и т.д.[4].

По циркулярному Указу Святейшего Синода от 17 марта 1828 года закреплялись предостережения для духовных лиц от совершения правонарушений. Серьёзные изменения в судопроизводстве были произведены в 1841 году при принятии Устава Духовных Консисторий[5], в содержание которого полностью вошёл Высочайший Указ от 22 декабря 1823 года. Выявляя особенности судебной реформы в России II половины XIX – начала XX века, можно отметить, что хоть преобразования и стремились затронуть целостное нормативно-правовое пространство всего государства, но производились они не одновременно и не равномерно. На основании судебных установлений 1864 года кардинально была изменена действующая судебная система в стране, но традиционная церковно-судебная система оставалась долгое время без изменений, что вызывало недоразумения на практике[6]. Это несколько противоречило внутренним документам Церкви, но впоследствии были исправлены упущения, которые закрепились в новой редакции Устава Духовных Консисторий от 1883 года. Таким образом, можно проследить определенную эволюцию церковного суда и права во II половине XIX века.

С развитием права и государства во II половине XIX века в Российской империи произошли изменения в порядке производства следствий по преступлениям и проступкам духовных лиц на основании Свода законов 1857 года, а также изменился порядок предания людей духовного звания уголовному суду с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 года. По Своду законов 1857 года, производство следствия, которое разделялось на *предварительное* и *формальное*, относилось к обязанности полиции (Т. XV, книга II Законов Судебных и Уголовных, ст. 2, 34–138 и 139–284). *Предварительное следствие*, которое в Своде именовалось иногда как *первоначальное исследование* (например, в Законах Судебных и Уголовных ст. 75), имело целью изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, а формальное следствие состояло в собрании доказательств к открытию и обличению виновного (Законы Судебные и Уголовные, ст. 1 п.1). Из общих правил о производстве следствий полицией по Своду допускались некоторые изъятия, в том числе и относительно лиц духовного звания, о которых согласно ст. 160 Высочайше утвержденного Устава Духовных Консисторий от 27 марта 1841 года в ст. 154 Законов Судебных и Уголовных устанавливалось, что “если духовное лицо обвинялось в противозаконных действиях, которые в дальнейшем подвергали его уголовному суду”, то первоначальное исследование (т.е. предварительное следствие) производилось в Духовном Ведомстве, при чиновнике городской или земской полиции. Это же требование оставалось во вновь принятых законах. При этом если дело не терпело отлагательств или необходимо было производить исследование по горячим следам и т.д., то гражданское начальство могло приступить к следствию немедленно, но в присутствии депутата с духовной стороны, а при крайней необходимости – и без этого депутата. При этом и дальнейшее производство *формального следствия* по преступлениям и проступкам духовных лиц, по Своду, принадлежало исключительно полиции, но в присутствии духовного депутата (Законы Судебные и Уголовные, ст. 149).

Территориально уезд делился на участки, по определениям Епархиального Начальства за каждым из них закреплялись духовные следователи. С середины XIX века появляются Указы с требованиями к лицам, которые назначались Преосвященным в качестве следователей для производства дознаний и следствий по делам епархии. Обязанности духовного следователя можно было совмещать с другой должностью, например помощника Благочинного. Наиболее положительных и рассудительных священников Епархиальное начальство могло закрепить и долгое время оставлять у должности духовного следователя для всех городских церквей или всего участка[7]. Участвуя в разбирательствах по требованиям гражданского начальства, командируемые следователи могли отсутствовать по нескольку дней, поэтому им выделялись суточные деньги для нахождения при следствиях (по 60 копеек в день)[8].

По определению Епархиального начальства6 всем священно-церковнослужителям Орловской епархии, которые были

назначаемы и участвовали в формальных следствиях и дознании духовных лиц, необходимо было давать сведения о происшествии. Если сведений не поступало, то их могли и наказать[9].

Отделение от полиции производства по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест, произошло в силу принятия закона от 8 июня 1860 года. Основываясь на документах "Учреждение судебных следователей", "Наказ судебным следователям" и "Наказ полиции", производство следствий по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судебных мест, возложено на судебных следователей. Производство *дознания* предоставлялось полиции, которое заключалось в собирании сведений, необходимых для удостоверения в том, что произошедшее действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком (статьи 2 и 3, приложенные к ст. 2654 Общих Учреждений о Губерниях в редакции 1863 года). При этом первоначальное исследование, или, как оно именуется в полиции, – *дознание*, по-прежнему должно производиться в Духовном Ведомстве при полицейском чиновнике[10].

В статье 9 Учреждений судебных следователей и приложении к ст. 4013 Общих Учреждений о Губерниях в редакции 1863 года постановлено, что преступления и проступки, подлежащие рассмотрению судебных мест по ст. 7 и 8 Законов Судебных и Уголовных, к обязанности полицейских и других не принадлежащих судебному ведомству должностных лиц относятся только первоначальное исследование и раскрытие тех существенных обстоятельств, которые могли вести к заключению, что расследуемое происшествие относится к преступлению или проступку. К обязанности судебных следователей относились уже дальнейшие следственные действия, которые были необходимы для того, чтобы изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны были суду для вынесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащих к ведению судебных мест.

Что касается самого *следствия*, которое по Своду Законов именовалось *формальным следствием*, то о нём в статье 1 Устава Учреждения судебных следователей говорилось, что следствие по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судебными местами, производилось судебными следователями. Из этого общего правила не сделано никакого исключения относительно духовных лиц, поэтому, если духовные лица подлежали суду уголовных мест, дело должно было производиться судебными следователями. При этом необходимо было соблюдение правила, которое закреплялось в статье 149 Законов Судебных и Уголовных, по которой допрос и всё следствие производилось при депутате со стороны Духовного Ведомства[11].

На основании статьи 109 Наказа Судебным Следователям (приложение к статье 2 Законов Судебных и Уголовных) по окончании каждого следствия необходимо было сообщить в соответствующее судебное место. Относительно следствий о преступлениях и проступках духовных лиц не указано другого порядка, поэтому по их окончании также сообщали в надлежащие судебные места. Но в статье 154 Законов Судебных и Уголовных духовные лица предавались уголовному суду только после определения Духовной Консистории, поэтому судебное место, получив следствие о духовном лице, обвиняемом в преступлении или проступке, обязано передать его в Духовную Консисторию, которая должна была предоставить распоряжение со своей стороны. В Консистории выносили постановление о предании обвиняемого суду, а также выносили запрет обвиняемому в ведении священнослужения. Этот запрет закреплялся в статье 169 Устава Духовных Консисторий: "... Духовному лицу, оговоренному в преступлении, запрещается священнослужение, смотря по обстоятельствам, какие помещены в самом оговоре, и какие открываются при следствии, и смотря по прежнему поведению подсудимого. Распоряжение об этом применяется по усмотрению местного Архиерея, который обязан заботиться, чтобы обвиняемые в важных преступлениях против благоповедения по заповедям Божиим, не приступали к служению Алтарю Господню, коль скоро есть уже достаточные причины предусматривать, что они

обвиняются справедливо"[12]. В связи с этим на основании статьи 34 Инструкции Благочинным приходских церквей также отмечено, что "…Благочинный должен отбирать все должностные документы у тех священно- и церковнослужителей, которые находились под следствием по важным и особенно уголовным делам, предоставляя эти документы в Консисторию…"[13]. Без документов из Консистории никакое судебное место не вправе приступать к решению дела.

С 20 ноября 1864 года, после принятия Судебных уставов в судебной практике стали проявляться некоторые несоответствия и недоразумения в вопросах о власти судебных следователей в отношении к приходским священникам. По новым основаниям все законные требования судебных следователей, производящих предварительные следствия, должны быть исполняемы без замедлений как должностными, так и частными лицами (Устав уголовного судопроизводства, ст. 270). Это также подтверждено и по духовному Ведомству Указом Святейшего Синода от 11 ноября 1866 года №422. К числу этих законных требований относится и вызов свидетелей к допросу, следовательно, и приходской священник, если его будут вызывать к следователю в качестве свидетеля по какому бы то ни было делу, важному или маловажному, обязан был явиться без замедления. Уважительные причины неявки также указаны в законе: лишение свободы, прекращение общения во время заразы, нашествие неприятеля, необыкновенное разлитие рек и тому подобные непреодолимые препятствия, внезапное разорение от несчастного случая, болезнь, лишающая возможности отлучения из дома, смерть родителей, мужа, жены или детей или тяжелая их болезнь (Устав уголовного судопроизводства, ст. 388). Если человек отсутствовал у следователя по причине, не указанной в Уставе, то на него следователь налагал денежное взыскание до 50 рублей серебром (Устав уголовного судопроизводства, ст. 438). Все эти требования относились и к приходским священникам – в частности, обязанности их службы не были приняты в число законных причин неявки и не могли служить основанием к их оправданию и освобождению от платежа штрафа. При этом служебные обязанности приходских священников достаточно сильно разнились с обязанностями других должностных лиц. Обязанности священника были совершенно случайны во времени, но они были важны и неотложны. За неисполнение обязанностей в своё время священник рисковал получить наказание от духовного начальства на основании духовных законов. Таким образом, у приходских священников возникало одновременно два неотложных требования: со стороны судебного следователя и обязанностей службы, при невозможности заменить себя в последнем случае другим лицом, что было в сельских приходах не редкостью[14]. На практике это несоответствие приводило к нежелательным последствиям. В этот период существовала специальная практика вызова к свидетельству воинских чинов, состоящих на действительной службе, которых вызывали через разрешение ближайшего начальства и по повестке (Устав уголовного судопроизводства, ст. 436).

После принятия Судебных Уставов 20 ноября 1864 года Святейший Синод определил, что по точному смыслу статей 1019 и 1020 Устава Уголовного Судопроизводства следствия по делам о духовных лицах, подлежащих уголовному суду, производятся общим порядком мировыми судьями или судебными следователями с соблюдением лишь некоторых особенных правил, изложенных в статьях 1020–1024 Устава Уголовного Судопроизводства.

При этом хотелось бы отметить, что церковно-судебный процесс, который сложился в Российской империи в I половине XIX века, был достаточно основательным и детально проработанным, а также быстрым и действенным. В продолжение предыдущего законодательства уже в новом Указе от 5 апреля 1881 года также закрепляются похожие требования. Ответственным лицом в епархии признавался Епархиальный Архиерей. Необходимо отметить, что во II половине XIX века выходили некоторые рекомендации в поведении и для церковного руководства. Например, Епархиальным Архиереям запрещалось входить в непосредственные отношения с министрами, главнокомандующими и различными представителями светской власти по вопросам, касающимся не местного епархиального управления, а таких мер и предметов, которые имеют общее значение

для всего Духовного Ведомства и подлежат обсуждению Высшего Церковного Правительства. Эти требования закреплялись ещё в статье 365 Устава Духовных Консисторий 1841 года[15]. Если у Епархиальных Архиереев возникали общие спорные вопросы, то они должны были обращаться напрямую в Святейший Синод или к самому синодальному Обер-прокурору[16].

Поведение священнослужителей должно быть под бдительным наблюдением со стороны Епархиальных Преосвященных. При обнаружении сомнительных лиц он их лично должен был брать под надзор и через увещевания подталкивать к исправлению. Контроль осуществляли также и выборные благочинные, согласно статье 67 Устава Духовных Консисторий[17]. В обязанности благочинного входило составление ежегодного отчёта о поведении духовных лиц в конкретной епархии, но если в его ведомстве встречаются люди, нарушающие его должностные предписания, то он немедленно должен был об этом известить Епархиального Архиерея, предоставить подробное описание поступка и привести свидетелей происшествия. Если он этого не делал, то его наказывали по 71 правилу Василия Великого. Епархиальное Начальство неоднократно обращалось к благочинным и священно-церковнослужителям и просило их обращать своё внимание на подчинённых духовных лиц. Запрещалось отпускать в губернские города неблагонадежных священников, причетников и диаконов без крайней нужды и тем более делать им поручений, не соответствующих им по должности. Самовольные отлучения кого-либо из них немедленно сообщать руководству и отмечать журналах[18]. Если сами выбранные благочинные оказывались "мало способными", то их увольняли или заменяли более достойными. А если они были замечены в неверности надзора или злоупотреблениях, то их отстраняли от должности и наказывали по мере вины[19]. Для контроля работы благочинных и поведения причтов Епархиальные Архиереи обязаны были, согласно архиерейской присяге, хотя бы один раз в год попеременно посещать разные части своей епархии. Отчёт о состоянии епархии и количестве осмотренных им церквей в разных уездах Архиерей ежегодно предоставлял в Святейший Синод. В Орловской губернии с момента появления ежемесячного печатного издания – "Орловских Епархиальных Ведомостей" при духовной семинарии ежегодно стали печатать извлечения из этих отчётов[20] для общественности.

Как и в предыдущие периоды, существовали отдельное судопроизводство и система наказаний для монахов. … На основании видения Правительствующего Сената от 11 мая 1866 года №27383 и по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета запрещалось послушникам монастырей, которых исключили из духовного звания за дурное поведение, проживать и приписываться в той местности, где находился монастырь, из которого их исключали[21]. На основании этих мнений было включено дополнение в статью 282 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Свод Законов 1857 года. Т. XIV).

В произведениях святых апостолов уже указывалось, что именно сама Церковь должна была раскрывать понятие веры и благочестия для всех слоев населения, особенно в тяжелые периоды, когда увеличивалось число ложных учений, стремящихся покорить юных лиц. В 58 апостольском правиле говорится, что "… епископ, или пресвитер, не радящий о причте и о людях и не учащий их благочестию, да будет отлучен…"[22]. Для того чтобы представители епархий и местных церквей могли осознавать угрозу церковного суда, на VI Вселенском соборе постановили руководящее правило о катехизических поучениях пастырей к прихожанам.

Таким образом, в связи с участившимися случаями правонарушений в среде духовных лиц во II половине XIX века в Святейшем Синоде неоднократно поднимались вопросы о недостатке просвещения православной паствы. Многие именовались православными, а перебывали в состоянии духовного неведения, не могли объяснить, во что веруют, не знали необходимых молитв. Многие духовные лица, исполняя обряды и повторяя заученные слова, не могли их интерпретировать и не задумывались об их значении, примешивали к ним суеверные обычаи. Поэтому Синодом прилагались попечения "…об

усилении церковного образования и наставления православного народа в вере и благонравии…", вследствие чего предписывалось в многолюдных местах и в приходских церквах открывать "… постоянное преподавание христианского учения, в каждый воскресный день, перед литургией или после оной, в добром порядке и без классической сухости…"[23]. Цель этих бесед была в простом и внятном изложении важных христианских истин. Поучения должны быть постоянные, повседневные, особенно в праздничные и воскресные дни, потому что закон Божественный в эти дни предоставляет свободу от будничных занятий и работ. Ответственность за просвещение возлагалась на Епархиальных Архиереев, которые определяли в каждом храме и приходе ответственного пресвитера[24]. Подчинённые епископу пресвитеры занимались обучением, но от обязанности собеседований не освобождались и законоучители учебных заведений, если они были приходскими священниками, и прочие должностные иереи. И какие бы ни были обязанности и особенности служения, принимаемые на себя священниками в общественной деятельности, перед всеми на первом месте стоит пастырский долг священного в церкви служения и учительства. Проводить беседы можно было и перед литургией, особенно в тех селениях, где жители, пришедшие к утренней службе, не расходятся до обедни. Собеседования возможны и после вечерни, которую тогда необходимо начинать ранее, но по уставу, с пением и чтением положенного. Беседы проводить можно было в храме, около него или в каком-либо здании вблизи него. Слушающие собеседования, в том числе и дети, могут и сидеть. Пресвитер может зачитывать тексты из тетради или книги, что подтверждало бы ранее сказанные слова[25].

Божественное учение призывало всех к высокому нравственному усовершенствованию, хоть оно и заповедовало взаимную любовь, освящение семейного союза и воспрещение даже и мысли о посягательстве на чужую собственность, но всё же встречалось нарушение этих истин и в среде самих духовных лиц. Особую роль в пресечении церковных правонарушений среди духовных лиц играли благочинные, которым в непременную обязанность вводилось предшествовать подведомственным им лицам своим духовным примером и словом для исправления нерадивых. Они должны были бороться с учениями и умствованиями, которые бы посягали на изменение "богооткровенной истины", веры и нравственности, а на лиц с явной безнадежностью к исправлению необходимо было доносить рапортами[26].

Особые требования во II половине XIX века были к священникам, осуществляющих обучение, где воспитываются отроки и юноши, готовящиеся к пастырскому званию. Осуществляющие обучение и воспитание духовного юношества, руководители духовных учебных заведений должны были обращать внимание на дух и направленность учебных курсов и заведений, вверенных им. Они должны были подавать пример в стремлении к получению знаний, чистоте нравов и доброго порядка приучением к чтению слова Божия и учению воспитанников в церковном Богослужении[27]. Для более действенного и "благоплодного" обучения они сами в себе должны содержать образец "…и быть верным в слове, в житии, в любви, в духе, в вере и в чистоте (1 Тим., 4,12)…"[28].

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-11-57002

[2] Протоирей Владислав Цыпин. Каноническое право. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. С. 623.

[3] Правила судопроизводства о преступлениях, в Церкви учиненных Духовными лицами, от 22 декабря 1823 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 63. Л. 7–13.

[4] См.: Матвеева Е.С. Особенности церковного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России в I половине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. №4. С. 49–55.

[5] См.: Устав Духовных Консисторій от 27 марта 1841 года (с формами). – СПб.: Синодальная Типография, 1843. 190 с.

[6] О вышедших новых законоположениях по судопроизводству (от 14 января 1865 года) // Орловские Епархиальные Ведомости. № 5 от 1 марта 1865 года. С. 68–69.

[7] Распоряжение Епархиального Начальства от 16–17 августа 1899 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1899. 5 дек. №48. С. 1924.

[8] Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому, от 20 января 1868 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 55.

[9] Распоряжение Епархиального Начальства от 27 апреля 1866 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 1 июня. № 11. С. 604.

[10] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому, от 14 сентября 1886 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 261.

[11] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому, от 14 сентября 1886 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 261 оборот.

[12] См.: Устав Духовных Консисторій от 27 марта 1841 года (с формами). СПб.: Синодальная Типография, 1843. 190 с.

[13] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "О подтверждении по Духовному Ведомству строгого соблюдения ст. 34 Инструкции Благочинным приходских церквей" от 30 июля 1868 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 238.

[14] Распоряжение правительства от 19 января 26 февраля 1877 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1877. 15 апр. № 8. С. 147–152.

[15] См.: Устав Духовных Консисторій от 27 марта 1841 года (с формами). СПб.: Синодальная Типография, 1843. С.133.

[16] Указ Святейшего Синода "О порядке сношений Епархиальных Преосвященных с министрами и главнокомандующими отдельных частей" // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 1 марта. № 5. С. 228–229.

[17] См.: Устав Духовных Консисторій от 27 марта 1841 года (с формами). СПб.: Синодальная Типография, 1843. С. 30.

[18] Распоряжение Епархиального Начальства // Орловские Епархиальные Ведомости. № 1 от 1 января 1866 года. С. 5.

[19] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Ювеналию, Епископу Орловскому и Севскому, от 5 апреля 1881 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 606. Оп.1. Д.68. Л.3.

[20] См.: Извлечение из отчёта Его Преосвященства, представленного Святейшему Синоду, о состоянии Орловской епархии за 1864 год // Орловские Епархиальные Ведомости. 1865. 1 апр. № 7. С. 102–104.; Отчёт за 1865 год // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 1 мая. № 9. С. 536–531 и др.

[21] Указ Святейшего Синода "О воспрещении послушникам монастырей, исключенным из духовного звания за дурное поведение, проживать и приписываться в той местности, где находился монастырь, откуда его исключили" от 15 июля 1866 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 15 авг. № 16. С. 874.

[22] Книга правил святых апостол, святых Соборов вселенских и поместных святых отец. М.: Русскій хронографъ, 2004. С. 21.

[23] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода от 19 июня 1890 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 91. Л. 32.

[24] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода от 19 июня 1890 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 91. Л. 32 об.

[25] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода от 19 июня 1890 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д.91. Л. 33.

[26] Указ Святейшего Синода "О главных началах, которыми должны руководствоваться министры и главнокомандующие отдельных частей при управлении вверенными им ведомствами" от 15 июля 1866 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 15 авг. № 16. С. 872.

[27] Указ Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Ювеналию, Епископу Орловскому и Севскому, от 5 апреля 1881 года // Государственный Архив Орловской области. Ф. 606. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

[28] Указ Святейшего Синода "О главных началах, которыми должны руководствоваться министры и главнокомандующие отдельных частей при управлении вверенными им ведомствами" от 15 июля 1866 года // Орловские Епархиальные Ведомости. 1866. 15 авг. № 16. С. 867–872.